

Большая четверка

Автор:

[Агата Кристи](#)

Большая четверка

Агата Кристи

Эркюль Пуаро #5

Снова великому сыщику Эркюлю Пуаро придется мобилизовать все свои мыслительные способности, чтобы распутать сложнейшее дело. В романе «Большая Четверка» сыщику предстоит заняться совсем необычным для себя делом – раскрыть заговор «мировой закулисы».

Агата Кристи

Большая Четверка

Глава 1

Нежданный гость

Мне приходилось встречать людей, наслаждающихся переездом через пролив; людей, которые могли преспокойно сидеть в шезлонгах на палубе, а по прибытии ждать, пока судно не встанет на якорь, и затем без суеты собирать свои вещи и сходить на берег. Мне лично никогда такое не удавалось. С того самого момента, как я вступаю на борт, я чувствую, что у меня слишком мало времени для того, чтобы чем-то заняться. Я то и дело переставляю свои чемоданы с места на место, а если спускаюсь в салон, чтобы перекусить, то

глотаю пищу непрожеванной, потому что меня не оставляет странное чувство, что судно вдруг прибудет на место именно тогда, когда я нахожусь внизу. Возможно, это всего лишь наследство, оставленное мне войной, когда было чрезвычайно важно занять местечко поближе к трапу, чтобы оказаться в числе первых сошедших на берег и не потерять ни одной драгоценной минуты короткого, не больше трех-пяти дней, отпуска.

Вот и в это утро, когда я стоял у поручней и смотрел, как приближаются утесы Дувра, я восхищался пассажирами, сидевшими развалясь в шезлонгах и даже не поднимавшими глаз, чтобы бросить взгляд на свою родную землю. Но, возможно, дело было в том, что обстоятельства их прибытия отличались от моих. Без сомнения, многие из них всего лишь ездили в Париж на выходные, в то время как я провел последние полтора года на ранчо в Аргентине. Я там вполне преуспел, и мы с женой наслаждались свободной и легкой жизнью в Южной Америке, – но, тем не менее, в моем горле стоял комок, когда я смотрел на знакомый берег, видимый все отчетливее и отчетливее.

Я высадился во Франции два дня назад, заключил несколько необходимых мне сделок и теперь находился на пути в Лондон. Мне предстояло провести там несколько месяцев – то есть у меня было достаточно времени, чтобы повидать старых друзей, и в особенности одного старого друга. Маленький человек с похожей на яйцо головой и зелеными глазами – Эркюль Пуаро! Я намеревался преподнести ему сюрприз. В моем последнем письме из Аргентины не было и намека на предстоящую поездку – хотя на самом-то деле все решилось второпях, из-за некоторой путаницы в делах, – и я провел немало времени, весело представляя восторг и изумление Пуаро при моем появлении.

Он, как мне было известно, вряд ли мог оказаться далеко от своей квартиры. Прошли те времена, когда расследование какого-нибудь дела бросало его с одного конца Англии в другой. Слава его была велика, и он больше не позволял одному-единственному делу полностью поглощать все свое время. С течением времени он все более и более склонялся к тому, чтобы стать «детективом-консультантом», на манер врачей-специалистов с Харлей-стрит. Он всегда насмехался над восторгом публики, обращенным на людей-ищеек, великолепно маскировавшихся ради выслеживания преступников и останавливавшихся возле каждого следа ноги, чтобы измерить его.

– Нет, друг мой Гастингс, – говаривал он обычно, – мы оставим это сыскным агентствам. Методы Эркюля Пуаро доступны лишь ему одному. Порядок и метод,

и «маленькие серые клеточки». Сидя спокойно в своих креслах, мы видим вещи, незаметные другим, и не спешим с выводами, как знаменитый Джепп.

Нет, мне ни к чему было опасаться, что Эркюль Пуаро отправился куда-то на охоту.

Добравшись до Лондона, я оставил багаж в отеле и поехал напрямик по старому знакомому адресу. Сколько живых воспоминаний нахлынуло на меня! Я едва поздоровался со своей старой домовладелицей и тут же помчался вверх по лестнице, перепрыгивая ступеньки, и заколотил в дверь Пуаро.

– Входите, входите, – слышался изнутри знакомый голос.

Я шагнул через порог. Пуаро стоял лицом ко мне. В его руках был небольшой саквояж, и Пуаро уронил его, восторженно воскликнув:

– Mon ami[1 - Мой друг (фр.)], Гастингс! Mon ami Гастингс!

И, бросившись вперед, заключил меня в жаркие объятия. Наш разговор был несвязан и непоследователен. Восклипания, торопливые вопросы, незаконченные ответы, приветы от моей жены, объяснение причин моего путешествия – все перемешалось.

– Полагаю, мои прежние комнаты уже давно заняты? – сказал я наконец, когда мы немного успокоились. – Мне бы хотелось снова жить в этом доме, рядом с вами.

Лицо Пуаро внезапно изменилось.

– Бог мой! Но это же *chance épouvantable!*[2 - Жуткое совпадение (фр.)]
Осмотрите вокруг, друг мой.

Я впервые обратил внимание на окружающую обстановку. Вдоль стены стояло множество сундуков доисторического вида. Рядом с ними расположились чемоданы, аккуратно выстроенные по росту – от большого к маленькому. Вывод мог быть только один.

- Вы уезжаете куда-то?

- Да.

- Куда же?

- В Южную Америку.

- Что?!

- Да, чудно вышло, не правда ли? Я еду в Рио и каждый день говорю себе, что не упомяну об этом в своих письмах, - и как же удивится мой добрый Гастингс, когда увидит меня!

Пуаро посмотрел на часы:

- Через час мне пора.

- Мне казалось, вы всегда говорили, что вас ничто не заставит совершить длительное морское путешествие?

Пуаро прикрыл глаза и вздрогнул.

- Ох, не упоминайте об этом, друг мой. Мой врач... он заверил меня, что от этого никто еще не умирал... и в конце концов, это не повторится; видите ли, я никогда... никогда не вернусь.

Он подтолкнул меня к креслу.

- Садитесь, я вам расскажу, как все это случилось. Вы знаете, кто самый богатый человек в мире? Даже богаче Рокфеллера? Эйб Райланд.

- Американский мыльный король?

- Именно. Один из его секретарей предложил мне кое-что. Это связано с крупной компанией в Рио, там явно происходит большое надувательство. Он хотел, чтобы

я расследовал это дело там, на месте. Я отказался. Я объяснил ему, что, если мне предоставят все факты, я могу дать ему заключение эксперта. Но он прикинулся, что не в состоянии этого сделать. Сказал, что факты мне предоставят лишь тогда, когда я прибуду на место. Ну, в другом случае на этом разговор бы и закончился. Диктовать условия Эркюлю Пуаро – это крайняя дерзость. Но предложенная мне сумма оказалась столь удивительной, что впервые в жизни я соблазнился простыми деньгами. Но меня привлекло в этом и другое – это вы, мой друг! В последние полтора года я был ужасно одиноким стариком. И я сказал себе – а почему бы и нет? Я начал уставать от бесконечного разгадывания всех этих глупых загадок. Славы мне уже достаточно. Почему бы не взять эти деньги и не устроиться где-нибудь поблизости от моего старого друга?

Я был взволнован и тронут этими словами Пуаро.

– Поэтому я принял предложение, – продолжил он, – и через час должен выехать, чтобы успеть на поезд к пароходу. Это одна из шуток судьбы, не так ли? Но поскольку предложенные деньги были уж слишком велики, у меня возникли кое-какие сомнения, и немного погодя я начал собственное расследование. Скажите мне, что обычно подразумевается под выражением «Большая Четверка»?

– Полагаю, это выражение пошло от Версальской конференции, потом есть знаменитая голливудская «Большая Четверка», ну а теперь так называет себя начальство любой мало-мальски заметной фирмы...

– Понимаю, – задумчиво произнес Пуаро. – Видите ли, я услышал это выражение при обстоятельствах, когда ни одно из ваших объяснений не годится. Похоже, это было сказано о некой банде международных преступников или о чем-то в этом роде... вот только...

– Только – что? – спросил я, поскольку он замолчал.

– Только мне представляется, что тут кроется нечто большего масштаба. Но это всего лишь моя догадка, не более того. Ах, но я же не закончил укладывать вещи! А время идет!

– Не уезжайте, – попросил я. – Отмените свое путешествие, отправитесь позже, на одном пароходе со мной!

Пуаро выпрямился и укоризненно посмотрел на меня.

– Ах, вы не понимаете! Я дал слово, неужели не ясно... слово Эркюля Пуаро! И разве что вопрос жизни и смерти может остановить меня теперь!

– Ну, а это едва ли может случиться, – печально пробормотал я. – Вот если только в одиннадцать «откроется дверь и войдет неожиданный гость»...

Я процитировал это с легким смешком, и мы замолчали, а в следующую секунду оба вздрогнули, поскольку из соседней комнаты донесся какой-то звук.

– Что это? – воскликнул я.

– Ma foi![3 - Клянусь честью! (фр.)] – откликнулся Пуаро. – Это очень похоже на вашего «нежданного гостя» в моей спальне!

– Но как мог кто-то попасть туда? Там нет двери, кроме как через эту комнату!

– Окно! Но тогда это грабитель? Однако ему было бы нелегко туда забраться... я бы сказал, это почти невозможно.

Я уже встал и направился к двери спальни, когда меня остановил шорох дверной ручки, поворачиваемой изнутри.

Дверь медленно отворилась. В дверном проеме показался человек. С головы до ног он был покрыт пылью и грязью; его лицо выглядело худым и изможденным. Мгновение-другое он смотрел на нас, а потом покачнулся и упал. Пуаро поспешил к нему, потом обернулся ко мне и сказал:

– Бренди... скорее!

Я быстро налил в стакан немного бренди и подал ему. Пуаро ухитрился влить немного в рот незнакомцу, а затем мы вдвоем подняли «гостя» и перенесли на кушетку. Через несколько минут он открыл глаза и непонимающе огляделся вокруг.

– Что вам нужно, мсье? – спросил Пуаро.

Губы человека разжались, и он произнес ровным неживым голосом:

– Мсье Эркюль Пуаро, Фаррауэй-стрит, четырнадцать.

– Да-да, это я.

Человек, похоже, не понял и просто повторил так же механически:

– Мсье Эркюль Пуаро, Фаррауэй-стрит, четырнадцать...

Пуаро попытался задать ему несколько вопросов. Иногда этот человек вообще не отвечал, иногда повторял слова Пуаро. Пуаро сделал мне знак, чтобы я подошел к телефону.

– Пригласите доктора Риджвэя.

К счастью, врач оказался дома; а поскольку жил он неподалеку, за углом, то уже через несколько минут ворвался в гостиную.

Пуаро вкратце объяснил ему, что произошло, и врач начал осматривать нашего странного визитера, который, похоже, вовсе не осознавал чьего-либо присутствия.

– Хм... – произнес доктор Риджвэй, закончив осмотр. – Любопытный случай.

– Мозговая горячка? – предположил я.

Доктор тут же негодуяще фыркнул:

– Мозговая горячка! Ха, мозговая горячка! Такой болезни не существует! Это выдумка романистов! Нет, этот человек перенес какое-то сильное потрясение. Он пришел сюда под воздействием навязчивой идеи – отыскать мсье Эркюля Пуаро, Фаррауэй-стрит, четырнадцать... И он механически повторял эти слова, не имея ни малейшего представления о том, что они значат.

– Афазия? – энергично воскликнул я.

Это предположение не вызвало у доктора негодующего фырканья, как предыдущее мое высказывание. Он не ответил, но протянул человеку лист бумаги и карандаш.

– Посмотрим, что он будет с ними делать, – произнес врач.

Несколько мгновений человек не делал ничего, потом вдруг принялся лихорадочно писать. Затем так же неожиданно остановился, и бумага с карандашом упали на пол. Доктор поднял их и покачал головой.

– Ничего толкового. Одна лишь цифра 4, нацарапанная с десяток раз, и с каждым разом все крупнее. Полагаю, он хотел написать адрес – Фаррауэй-стрит, 14. Интересный случай... очень интересный. Вы не могли бы подержать его здесь до полудня? Я должен сейчас идти в больницу, но потом вернусь и займусь им. Это слишком интересный случай, чтобы упустить его.

Я объяснил, что Пуаро уезжает, а я намеревался проводить его до Саутхэмптона.

– Ну и ладно. Оставьте этого человека здесь. Он ничего не натворит. Он страдает от крайнего истощения. Он проспит, пожалуй, не меньше восьми часов. Я поговорю с вашей великолепной миссис Очаровашкой и попрошу ее присмотреть за ним.

И доктор Риджвэй умчался со своей обычной стремительностью. Пуаро торопливо уложил остатки вещей, то и дело поглядывая на часы.

– Ох уж это время, оно летит с невообразимой скоростью! Итак, Гастингс, вы не можете сказать, что я оставил вас бездельничать тут. Человек ниоткуда. Самая потрясающая из загадок! Кто он? Чем занимается? Ах, я отдал бы два года жизни за то, чтобы мой пароход отплыл завтра, а не сегодня! Ведь здесь остается нечто весьма любопытное... весьма интересное. Но для этого нужно время... время! Могут пройти дни... а то и месяцы, прежде чем он сможет сказать нам то, что собирался.

– Я сделаю все, что в моих силах, Пуаро, – пообещал я. – Я постараюсь достойно заменить вас.

– Да-а...

Его реплика поразила меня, поскольку в его тоне прозвучало сомнение. Я взял тот лист бумаги, на котором рисовал больной.

– Если бы я сочинял роман, – сказал я беспечно, – я бы начал с рассказа о нашем «госте» и назвал бы книгу «Тайна Большой Четверки». – Говоря так, я постучал пальцем по начерченным карандашом цифрам.

И тут же я замер в изумлении, поскольку наш умирающий вдруг очнулся, сел и произнес очень отчетливо:

– Ли Чанг Йен.

Он выглядел как человек, внезапно пробудившийся от сна. Пуаро сделал предостерегающий жест, призывая меня к молчанию. Человек продолжал говорить. Он выговаривал слова медленно, высоким голосом, и что-то в его манере речи заставило меня подумать, что он цитирует на память некий письменный отчет или доклад.

– Ли Чанг Йен. Его можно считать мозгом Большой Четверки. Он направляющая и организующая сила. Поэтому я обозначил его как Номер Первый. Номер Второй редко упоминается по имени. Он обозначается символом – латинская S, перечеркнутая вертикально двумя линиями, то есть знаком доллара, или же двумя полосками и звездой. Следовательно, предполагаем, что он американец и что он представляет собой силу денег. Похоже, можно не сомневаться в том, что Номер Третий – женщина и что она француженка. Вполне возможно, что она одна из сирен полусвета, но о ней ничего определенного не известно. Номер Четвертый...

Голос говорившего затих, больной замолчал. Пуаро наклонился вперед.

– Да-да, – энергично произнес он, – Номер Четвертый... что?

Его глаза впелись в лицо незнакомца. А того словно вдруг охватил неопиcуемый ужас; его черты исказились.

– Истребитель, – выдохнул «гость». А потом, конвульсивно дернувшись, упал на спину в глубоком обмороке.

– Mon Dieu![4 - Бог мой! (фр.)] – прошептал Пуаро. – Так я был прав! Я был прав!

– Вы думаете...

Он перебил меня:

– Давайте отнесем его на кровать в мою спальню. У меня не осталось ни одной лишней минуты, если я хочу успеть на поезд. Хотя и нельзя сказать, что я хочу на него успеть. Ох, если бы я мог опоздать на него, не мучаясь угрызениями совести! Но я дал слово. Идемте, Гастингс!

Оставив нашего загадочного посетителя на попечение миссис Пирсон, мы помчались на вокзал и едва успели вскочить в поезд. Пуаро то надолго замолкал, то становился уж слишком разговорчив. То он сидел, уставясь в окно, как погруженный в мечтания человек, и не слыша ни слова из того, что я ему говорил, – то вдруг оживлялся и начинал сыпать инструкциями и постоянно твердил, что я должен ежедневно посылать ему радиogramмы.

Проехав Уокинг, мы погрузились в долгое молчание. Поезд вообще-то шел без остановок до самого Саутхэмптона; но вдруг он остановился перед светофором.

– Ах! Sacre mille tonnerres![5 - Проклятие! Гром и молния! (фр.)] – неожиданно воскликнул Пуаро. – Я просто имбецил! Теперь я это вижу. Без сомнения, это святой охранитель остановил поезд! Прыгаем, Гастингс, прыгаем скорее, ну же!

И в то же мгновение он распахнул дверь купе и выпрыгнул на пути.

– Бросайте чемоданы и выскакивайте!

Я повиновался. И как раз вовремя. Как только я очутился рядом с Пуаро, поезд тронулся.

– Ну а теперь, Пуаро, – сказал я с изрядной долей раздражения, – может быть, вы объясните, что все это значит?

– Это значит, друг мой, что я увидел свет.

– Мне это ни о чем не говорит, – заметил я.

– А должно бы, – ответил Пуаро. – Но я боюсь... я очень боюсь, что это не так. Если вы сумеете унести вот эти два чемодана, думаю, я как-нибудь справлюсь с остальным.

Глава 2

Человек из сумасшедшего дома

К счастью, поезд притормозил неподалеку от станции. В результате небольшой прогулки мы очутились у гаража, где смогли нанять автомобиль, и полчасом позже уже неслись обратно в Лондон. Тогда, и только тогда, Пуаро соизволил удовлетворить мое любопытство.

– Вы все еще не понимаете? Я тоже не понимал. Но теперь понял. Гастингс, меня пытались убрать с дороги!

– Что?!

– Да! Это очевидно. Способ и время были выбраны с большим умом и проницательностью. Они боятся меня.

– Кто «они»?

– Те четыре гения, которые объединились, чтобы действовать вопреки закону. Китаец, американец, француженка и... и еще кто-то. Молите бога о том, чтобы мы вернулись вовремя, Гастингс!

- Вы думаете, наш посетитель в опасности?

- Я уверен в этом.

По прибытии нас встретила миссис Пирсон. Отмахнувшись от ее изумленных вопросов, которыми она разразилась при виде Пуаро, мы сами принялись ее расспрашивать. Ответы прозвучали утешительно. Никто не приходил, и наш гость не давал о себе знать.

Со вздохом облегчения мы поднялись наверх. Пуаро пересек гостиную и вошел в спальню. И тут же он позвал меня, причем в его голосе послышалось странное возбуждение:

- Гастингс! Гастингс... он мертв!

Я поспешил к Пуаро. Незнакомец лежал в той же позе, в какой мы оставили его, но он умер! Я помчался к доктору. Я знал, что Риджвэй еще не вернулся. Но я почти сразу нашел другого врача и привел его к Пуаро.

- Он умер совсем недавно, бедняга. Вы что, подобрали бродягу?

- Что-то в этом роде, - уклончиво ответил Пуаро. - Но от чего он умер, доктор?

- Трудно сказать. Возможно, какая-то лихорадка. Тут есть признаки асфиксии... У вас тут не газовое освещение?

- Нет, только электричество, больше ничего.

- И оба окна широко открыты, н-да... Пожалуй, он мертв уже часа два, я так сказал бы. Вы сами известите кого положено?

Доктор удалился. Пуаро сделал несколько звонков. В конце, к моему удивлению, он позвонил нашему старому другу инспектору Джеппу и попросил его прийти поскорее, если можно.

Пуаро еще не закончил все разговоры, когда появилась миссис Пирсон с округлившимися глазами.

– Там пришел человек из Ханвелла... из сумасшедшего дома! Можете себе представить? Можно ему войти?

Мы изъявили согласие, и в гостиную вошел крупный, плотный человек в униформе.

– Доброе утро, джентльмены, – бодро произнес он. – У меня есть причины быть уверенным, что к вам залетела одна из моих пташек. Сбежал прошлой ночью, вот что он сделал.

– Он был здесь, – вежливо ответил Пуаро.

– Но не удрал же он снова, а? – спросил санитар с некоторым опасением.

– Он умер.

Санитар явно испытал облегчение и ничуть не расстроился.

– Ну, наверное, так даже лучше для всех.

– Он был... э-э... опасен?

– Вы имеете в виду, не был ли он одержим мыслью об убийстве? О, нет. Он был вполне безвреден. У него была острая мания преследования. Все тайные общества Китая стремились заставить его молчать! Да они все у нас такие.

Я вздрогнул.

– Как долго он находился в больнице взаперти? – спросил Пуаро.

– Да уже два года.

– Понятно, – тихо произнес Пуаро. – И никому не приходило в голову, что он может... может быть вполне разумен?

Санитар позволил себе рассмеяться.

– Если бы он был в своем уме, что бы он делал в доме для чокнутых лунатиков? Они все там утверждают, что они разумны, знаете ли.

Пуаро промолчал. Он провел санитару во вторую комнату, чтобы тот взглянул на тело. Оpozнание не заняло много времени.

– Да, это он... совершенно верно, – бездушно произнес санитар. – Чудной был парень, а? Ну, джентльмены, мне теперь лучше пойти и заняться необходимыми формальностями. Мы же не хотим оставлять вас надолго с трупом на руках. Если будет дознание, я надеюсь, вы на него придете. Всего доброго, сэр.

И, неуклюже поклонившись, он ушел.

Несколько минут спустя прибыл Джепп. Инспектор Скотленд-Ярда был бодр и энергичен, как всегда.

– А вот и я, мсье Пуаро. Чем могу быть вам полезен? Вообще-то я думал, что вы сегодня отправляетесь на коралловые острова или еще куда-то в этом роде!

– Дорогой Джепп, я хочу знать, приходилось ли вам когда-нибудь видеть этого человека.

И Пуаро провел Джеппа в спальню. Инспектор в полном изумлении уставился на тело, лежащее на кровати.

– Дайте-ка подумать... что-то в нем есть знакомое... а я горжусь своей памятью, вы знаете. Ох, господь милосердный, да это же Майерлинг!

– И кто он таков... или кем он был – этот Майерлинг?

– Парень из Секретной службы... не наш, не из Скотленд-Ярда. Пять лет назад отправился в Россию. Больше о нем ничего не слышали. Я вообще-то думал, что большевики его прихлопнули.

- Все сходится, - сказал Пуаро, когда инспектор Джепп отбыл восвояси, - кроме того, что его смерть выглядит естественной.

Он стоял, глядя на бездвижное тело, и недовольно хмурился. Порыв ветра взметнул оконные занавески, и Пуаро с внезапным вниманием посмотрел на них.

- Полагаю, это вы открыли окна, Гастингс, когда уложили нашего гостя на постель?

- Нет, я не открывал, - ответил я. - Насколько я помню, они были закрыты.

Пуаро резко вскинул голову.

- Закрыты... а теперь они распахнуты. Что это может означать?

- Кто-то влез в окно, - предположил я.

- Возможно, - согласился Пуаро, но он говорил с отсутствующим видом и без убеждения. Через минуту или две он сказал: - Вообще-то я думал не совсем об этом, Гастингс. Если бы открыли только одно окно, это не заинтриговало бы меня так сильно. Именно то, что открыты оба окна, поразило меня как нечто удивительное.

Он поспешил в другую комнату.

- Окна гостиной тоже открыты! А мы оставили их закрытыми. Ах!

Он вернулся к мертвецу и наклонился над ним, чтобы изучить как следует уголки его губ. Потом вдруг посмотрел на меня.

- Ему затыкали рот кляпом, Гастингс! Заткнули рот и отравили!

- Боже милостивый! - воскликнул я, потрясенный. - Ну, я полагаю, при вскрытии это обнаружится.

– Ничего там не обнаружится. Его убили, заставив вдохнуть пары синильной кислоты. Ее прижали к его носу... Затем убийца ушел, но сначала открыл все окна. Синильная кислота очень быстро испаряется, но ее нетрудно обнаружить, поскольку она пахнет горьким миндалем. Однако если тщательно устранить запах, который может пробудить подозрения относительно причин гибели, то смерть может выглядеть вполне естественной в глазах врачей. А ведь этот человек был тайным агентом, Гастингс. И пять лет назад пропал в России.

– Последние два года он провел в сумасшедшем доме, – напомнил я. – Но где он был еще три года до этого?

Пуаро покачал головой и схватил меня за руку.

– Часы, Гастингс, посмотрите на часы!

Я проследил за его взглядом, устремленным к каминной полке. Часы остановились ровно в четыре.

– Mon ami, кто-то остановил их. Их завода должно было хватить еще на три дня. Это часы с восьмидневным заводом, улавливаете?

– Но зачем бы кто-то стал это делать? Неужели надеялись таким образом запутать врача, чтобы он установил неправильное время смерти?

– Нет-нет, подумайте хорошенько, друг мой. Тренируйте свои маленькие серые клеточки! Вы – Майерлинг. Возможно, вы что-то слышите... и вы отлично знаете, что ваше время подходит к концу. Вы успеете только оставить какой-то знак. Четыре часа, Гастингс! Номер Четвертый, Истребитель... Ах! Идея!

Он бросился в другую комнату и схватил телефон. И потребовал соединить его с Ханвеллом.

– Психиатрическая больница? Я слышал, от вас сегодня сбежал один из больных? Что вы говорите? Погодите чуть-чуть, если вам нетрудно... Вы можете повторить? Ах! Parfaitement.

Он повесил трубку и повернулся ко мне:

- Вы слышали, Гастингс? У них никто не убегал!

- Но тот человек, который приходил... санитар? - сказал я.

- Сомневаюсь... очень в этом сомневаюсь.

- Вы имеете в виду...

- Это был Номер Четвертый - Истребитель.

Я недоверчиво и ошеломленно уставился на Пуаро. Через минуту-другую, когда ко мне вернулся голос, я сказал:

- Ну, во-первых, теперь вы узнаете его, где бы ни встретили. Это человек с запоминающейся внешностью.

- Так ли это, топ ами? Думаю, нет. Мы видели человека неуклюжего, неотесанного, с красным лицом, густыми усами и грубым голосом. К этому моменту у него может не остаться ни одного из этих признаков... а что касается остального - глаза у него неуловимые, уши рассмотреть было невозможно, и к тому же у него фальшивые зубы. Оpozнание - совсем не такое легкое дело, как может показаться. В следующий раз...

- Вы думаете, будет и следующий раз? - перебил я его.

Лицо Пуаро помрачнело.

- Это смертельная схватка, друг мой. Вы и я - с одной стороны, Большая Четверка - с другой. Они выиграли первый раунд; но их план - отправить меня подальше, чтобы убрать с дороги, - потерпел крах, и в будущем им придется считаться с Эркюлем Пуаро!

Глава 3

Мы узнаем кое-что о Ли Чанг Йене

Еще день или два после появления у нас фальшивого служителя психиатрической больницы я надеялся, что он может вернуться, и отказывался хотя бы на минуту выйти из квартиры. Насколько я понимал, у него не было причин заподозрить, что мы раскрыли его маскировку. Он мог, думал я, вернуться, чтобы попытаться похитить тело, но Пуаро лишь смеялся над моими доводами.

– Друг мой, – говорил он, – если вам хочется, вы можете ожидать – в надежде насыпать соли на хвост нашей маленькой птичке, но что до меня, я не стал бы тратить на это время.

– Но почему же, Пуаро, – возражал я, – почему бы ему не рискнуть и не вернуться? Если он вернулся один раз – то, в общем, понятно зачем. Он намеревался уничтожить какие-то улики против себя – но ему не удалось ничего сделать, мы уже вернулись!

Пуаро чисто по-галльски пожал плечами.

– Вы не хотите взглянуть на дело глазами Номера Четвертого, Гастингс, – сказал он. – Вы говорите об уликах, но разве у нас есть какие-то свидетельства против него? Да, конечно, у нас есть труп, но мы не имеем даже доказательств того, что этот человек убит... Синильная кислота, попавшая в дыхательные пути, не оставляет следов. Далее, мы не найдем никого, кто видел бы человека, входившего в квартиру во время нашего отсутствия, и мы ничего не узнаем о том, где бывал наш покойный друг Майерлинг... Нет, Гастингс, Номер Четвертый не оставил следов, и он это знает. Его визит мы можем назвать разведывательной вылазкой. Возможно, он хотел сам убедиться в том, что Майерлинг мертв, но я думаю, куда более вероятно то, что он пришел взглянуть на Эркюля Пуаро и перекинуться словечком с тем единственным из своих врагов, кого он действительно должен бояться.

Рассуждения Пуаро звучали, по обыкновению, самодовольно, однако я воздержался от возражений.

– А что насчет дознания? – спросил я. – Полагаю, вы там объясните все и дадите полиции полное описание Номера Четвертого?

– И к чему это приведет? Можем ли мы представить дознанию что-то такое, что произвело бы впечатление на коронера и жюри, состоящего из этих ваших твердолобых британцев? Разве есть хоть что-то стоящее в нашем описании Номера Четвертого? Нет, пусть сочтут, что данный случай – «случайная смерть», и, может быть, хотя и не слишком надеюсь на это, наш умный убийца похвалит себя за то, что выиграл у Эркюля Пуаро первый раунд.

Пуаро был прав, как всегда. Мы больше не видели служителя сумасшедшего дома, а дознание, где показания давал я и куда Пуаро даже не явился, не вызвало интереса у публики.

Поскольку Пуаро, предполагая отправиться в Южную Америку, завершил все дела до моего приезда, сейчас он ничего не расследовал; но, хотя он и проводил большую часть времени дома, я мало чего мог от него добиться. Он сидел, погрузившись в кресло, и весьма холодно встречал все мои попытки завести беседу.

Но однажды утром, примерно через неделю после убийства, он спросил меня, не сочту ли я за труд сопровождать его во время одного необходимого для него визита. Я был только рад, потому что чувствовал: Пуаро совершает ошибку, пытаюсь размышлять над происшедшим в одиночку, – и надеялся кое-что обсудить с ним. Но обнаружил, что он не склонен к разговору. Даже когда я спросил, куда мы отправляемся, он не ответил.

Эркюлю Пуаро очень нравилось выглядеть загадочным. Он никогда не делился ни каплей сведений до самого последнего из возможных моментов. В данном случае, лишь когда мы благополучно проехали на автобусе и на двух поездах поочередно и прибыли в один из самых унылых южных лондонских пригородов, он снизошел наконец до объяснений.

– Мы, Гастингс, намерены повидать того единственного в Англии человека, который действительно много знает о тайной жизни Китая.

– В самом деле? И кто же это?

– Человек, о котором вы никогда не слышали, – некий мистер Джон Инглз. Фактически он отставной государственный чиновник с весьма заурядным интеллектом, и его дом битком набит китайскими диковинами, которыми он

утомляет своих друзей и родственников. Тем не менее меня заверили знающие люди, что предоставить те сведения, которые мне необходимы, способен лишь этот самый Джон Инглз.

Несколько минут спустя мы уже поднимались по ступеням «Лавров», как назвал свою резиденцию мистер Инглз. Лично я не заметил ни одного лаврового куста поблизости и потому решил, что название виллы было придумано в соответствии с обычаем пригородов – называть дома как можно бессмысленнее.

Нас встретил слуга-китаец с неподвижным лицом; он проводил нас к своему хозяину. Мистер Инглз оказался человеком плотного сложения, с желтоватой кожей и глубоко сидящими глазами, странно выглядевшими на его лице. Он встал поприветствовать нас, отложив при этом в сторону только что вскрытое письмо, которое держал в руке. На письмо он указал чуть позже, когда мы уже поздоровались.

– Садитесь, прошу вас. Хэлси сообщает мне, что вам нужны кое-какие сведения и что я могу оказаться полезным в этом деле.

– Это именно так, мсье. Я хочу спросить, знаете ли вы что-нибудь о человеке по имени Ли Чанг Йен?

– Это странно... в самом деле, очень странно. Как вы умудрились услышать о нем?

– Так вы его знаете?

– Я с ним встречался однажды. И я кое-что о нем знаю – хотя не так много, как хотелось бы. Но меня удивляет, что вообще хоть кто-то в Англии мог слышать о нем. Это в своем роде великий человек – крупный чиновник вроде мандарина, знаете ли, – но дело-то совсем не в этом. Есть серьезные основания предполагать, что именно он тот человек, кто стоит за всем этим.

– За чем – «всем»?

– Да за всем. Беспорядки по всему миру, волнения рабочих, которые не дают покоя государствам, революции. Нормальные люди, совсем не паникеры,

отвечающие за свои слова, говорят, что за всеми этими случаями стоит некая сила и что цель ее – ни больше ни меньше, как разрушение мировой цивилизации. В России, как вы знаете, многие видят явные признаки того, что Ленин и Троцкий – всего лишь марионетки и их поступки (все до единого) диктуются чьим-то мозгом. У меня нет надежных доказательств, которые могли бы вас удовлетворить, но я совершенно уверен в том, что этот мозг принадлежит Ли Чанг Йену.

– Ох, оставьте, – возмутился я. – Не слишком ли далеко вы заходите? Как может китаец дотянуться до России?

Пуаро раздраженно глянул на меня и нахмурился.

– Для вас, Гастингс, – сказал он, – все кажется избыточным, если превышает возможности вашего собственного воображения; что касается меня, я согласен с этим джентльменом. Но прошу вас, мсье, продолжайте!

– Чего именно он надеется достичь посредством всех этих событий, я не могу сказать с уверенностью, – снова заговорил мистер Инглз. – Но я предполагаю, что его одолела та же болезнь, которой страдали величайшие умы от Акбара и Александра до Наполеона, – жажда власти и личного верховенства. Вплоть до недавних времен для завоевания были необходимы армии, однако в этом веке беспокойные люди вроде Ли Чанг Йена могут использовать другие средства. У меня есть доказательства, что в его распоряжении имеются неограниченные суммы для подкупа и пропаганды, и есть признаки того, что он завладел некоей научной силой, куда более мощной, чем мог бы вообразить мир.

Пуаро слушал мистера Инглза с самым пристальным вниманием.

– А в Китае? – спросил он. – На Китай тоже распространяются его интересы?

Его собеседник энергично кивнул.

– Да, – сказал он. – Хотя у меня нет доказательств, которые признал бы суд, я могу говорить на основании собственных знаний. Я лично знаком с каждым, кто хоть что-то представляет собой в сегодняшнем Китае, и поэтому заявляю вам: те люди, которые постоянно появляются на глазах у публики, значат очень мало или не значат вовсе ничего. Они марионетки, танцующие на веревочках, а

руководит ими рука искусного мастера, и это рука Ли Чанг Йена. Он сегодня – главный направляющий мозг Востока. Мы не понимаем Восток... мы никогда его не поймем; но Ли Чанг Йен – его животворящий дух. Это не значит, что он стоит в свете рампы – о нет, ничего подобного; он вообще никогда не покидает свой дворец в Пекине. Но он дергает за ниточки – да, именно так, дергает за ниточки, и что-то происходит вдали от него.

– Но неужели никто не пытается сразиться с ним? – спросил Пуаро.

Мистер Инглз наклонился вперед, крепко сжав подлокотники кресла.

– Четверо пытались за последние четыре года, – медленно проговорил он. – Люди сильные, честные, чрезвычайно умные. У каждого из них была возможность так или иначе нарушить планы китайца. – Он замолчал.

– Ну, и?.. – спросил я.

– Ну, они все умерли. Один из них написал статью, в которой упомянул имя Ли Чанг Йена в связи с беспорядками в Пекине, и через два дня его зарезали прямо на улице. Его убийцу так и не нашли. С двумя другими произошло нечто подобное. В речах или статьях, или просто в личной беседе каждый из них связал имя Ли Чанг Йена с бунтом или революцией, и в течение недели после столь неблагоприятных поступков они умерли. Одного отравили; второй умер от холеры, причем это был единственный случай, отнюдь не эпидемия. Еще одного якобы просто нашли мертвым в собственной постели. В последнем случае причины смерти вроде бы не были определены, однако врач, осматривавший тело, рассказал мне, что труп был обожжен и сморщен, как если бы сквозь него пропустили электрический заряд огромной силы.

– А Ли Чанг Йен? – спросил Пуаро. – Само собой, к нему не вело никаких следов, но ведь должны быть какие-то признаки его связи с этими делами?

Мистер Инглз передернул плечами:

– Ох, признаки... Ну да, конечно. Мне в конце концов удалось отыскать человека, который согласился кое-что рассказать, – это был блестящий молодой химик, китаец, и он был из людей Ли Чанг Йена. Он пришел однажды ко мне, этот химик, и я увидел, что он находится на грани нервного срыва. Он намекнул мне

на некие эксперименты, в которых он участвует и которые проводятся во дворце Ли Чанг Йена под руководством самого мандарина, – эксперименты на китайских кули, и в ходе этих экспериментов проявляется потрясающее равнодушие к жизни и страданиям людей. Нервы химика были до предела натянуты, он пребывал в состоянии хронического ужаса. Я уложил его в постель в комнате на верхнем этаже собственного дома, намереваясь расспросить как следует на другой день... и это, конечно, было глупостью с моей стороны.

– Но как они его достали? – резко спросил Пуаро.

– Этого я никогда не узнаю. Я проснулся в ту ночь и обнаружил, что дом охвачен огнем, и мне просто повезло, что я не погиб. Следствие установило, что огонь невиданной силы внезапно вспыхнул на верхнем этаже, и останки моего молодого химика превратились в пепел.

По той горячности, с которой говорил мистер Инглз, я без труда догадался, что он оседлал любимого конька, и он тоже это осознал, потому что виновато рассмеялся.

– Но, конечно же, – сказал он, – у меня нет никаких доказательств, и вы, как и все прочие, можете просто сказать, что я слегка свихнулся.

– Напротив, – тихо возразил Пуаро, – мы имеем все причины верить вашей истории. Мы немало заинтересованы в сведениях о Ли Чанг Йене.

– Очень странно, что вы знаете о нем. Я и вообразить не мог, что хотя бы одна душа в Англии о нем слышала. Мне бы очень хотелось узнать, как вы столкнулись с этим именем... если это не слишком нескромно с моей стороны.

– Ничуть, мсье. Некий человек пришел ко мне домой. Он пребывал в состоянии шока, но сумел сказать достаточно, чтобы заинтересовать нас Ли Чанг Йеном. Он описал четверых людей – Большую Четверку – как организацию, о какой до сих пор никто не мог бы и помыслить. Номер Первый – это Ли Чанг Йен, Номер Второй – некий неведомый американец, Номер Третий – в равной мере неведомая француженка, Номер Четвертый может быть назван палачом организации – это Истребитель. Мой осведомитель умер. Скажите, мсье, вам вообще знакомо это выражение – Большая Четверка?

– Не в связи с Ли Чанг Йеном. Нет, не могу сказать так. Но я слышал это или читал... и совсем недавно... в каком-то неожиданном контексте. А, вот что...

Он встал и подошел к лаковому инкрустированному шкафчику для бумаг – то был самый изумительный экземпляр, какой мне когда-либо приходилось видеть. Вернулся он с письмом в руке.

– Вот оно. Его прислал один старый моряк, с которым я однажды столкнулся в Шанхае. Старый нечестивец, закосневший в грехе... но, должен сказать, во хмелю он очень сентиментален. Я вообще-то принял это за пьяный бред...

Он прочел вслух:

– «Уважаемый сэр,

Вы, возможно, и не помните меня, но Вы однажды помогли мне в Шанхае. Помогите мне еще раз! Мне необходимы деньги, чтобы покинуть эту страну. Я надеюсь, что хорошо спрятался здесь, но однажды они могут найти меня. Большая Четверка, я хочу сказать. Это вопрос жизни и смерти. У меня денег много, но я не осмеливаюсь взять их, поскольку боюсь навести их на свой след. Пришлите мне пару сотен в письме. Я верну их, не сомневайтесь, клянусь в этом. Ваш слуга, сэр,

Джонатан Уэлли».

Отправлено из бунгало Грантл, Хоппатон, Дартмур, – сказал мистер Инглз. – Боюсь, я воспринял это как примитивную попытку облегчить мой кошелек на пару сотен, только и всего. Если вам это может пригодиться... – Он протянул письмо Пуаро.

– Je vous remercie[б - Благодарю вас (фр.)], мсье, – ответил Пуаро. – Я немедленно отправляюсь в Хоппатон.

– Бог мой, как это интересно! А если я поеду с вами? Вы ничего не имеете против?

– Я буду очень рад вашему обществу, но мы должны выехать сейчас же. Иначе мы просто не доберемся в Дартмур до сумерек.

Джон Инглз задержал нас не больше чем на две минуты, и вскоре мы уже сидели в поезде, отправлявшемся с вокзала в Паддингтоне на запад Англии. Хоппатон оказался маленькой деревушкой, приютившейся на самом краю вересковых пустошей. До него пришлось ехать на автомобиле – девять миль от Мортонхэмстеда. Было уже около восьми вечера, когда мы добрались туда; однако на дворе стоял июль, и света еще вполне хватало.

Мы въехали на узкую улочку деревни и остановились, чтобы расспросить о дороге какого-то старого крестьянина.

– «Гранитное бунгало», – задумчиво произнес старик, – то есть это вы ищете «Гранитное бунгало», так я понял?

Мы заверили его, что он все понял правильно и нам нужен именно этот дом.

Старый абориген показал на маленький серый коттедж в конце улицы.

– Вон оно, это бунгало. Вы хотите повидать инспектора?

– Какого инспектора? – резко спросил Пуаро. – Что вы имеете в виду?

– Вы что же, и не слыхали об убийстве, что ли? Жуткое дело, говорят. Лужи крови, так мне рассказывали.

– Mon Dieu! – пробормотал Пуаро. – Этот ваш инспектор... я должен немедленно его увидеть!

Пять минут спустя мы уже представлялись инспектору Мидоузу. Инспектор поначалу держался напряженно, однако волшебное имя инспектора Джеппа из Скотленд-Ярда произвело свое впечатление, и Мидоуз оттаял.

– Да, сэр, его убили сегодня утром. Ужасное дело! Они позвонили в Мортон, и я тут же приехал. Начать с того, что все выглядит уж очень загадочно. Старый человек – ему уже было около семидесяти, знаете ли... и любитель приложиться

к бутылке, как я слышал... Он лежал на полу в гостиной. На голове у него была шишка, а горло перерезано от уха до уха. На полу море крови, как вы понимаете. Бетси Андрес, это женщина, которая ему готовила, сказала, что у ее хозяина было несколько маленьких китайских фигурок из нефрита, он ей объяснял, что они очень дорогие, – так вот, они исчезли. Так что все это выглядит как ограбление; но тут есть множество несоответствий и трудностей. У этого старика в доме жили два человека: эта самая Бетси Андрес, она из Хоппатона, и кто-то вроде лакея, Роберт Грант. Грант как раз ушел на ферму за молоком, он это делает каждый день, а Бетси вышла немножко поболтать с соседкой. Она отсутствовала всего около двадцати минут – между десятью и половиной одиннадцатого, – и преступление должно быть совершено именно в это время. Грант вернулся домой первым. Он вошел через заднюю дверь, та была открыта – в этих краях вообще никто не запирает двери... ну, во всяком случае днем, – и прошел в свою комнату, чтобы почитать газету и покурить. Ему и в голову не пришло, что могло случиться нечто необычное – так он утверждает. Потом пришла Бетси, заглянула в гостиную, увидела хозяина и завопила так, что могла бы и мертвого разбудить. Вот и все. Кто-то вошел в дом, пока эти двое отсутствовали, и прикончил старого беднягу. Но что меня сразу поразило, так это то, что убийца должен быть невероятно хладнокровен и знать местность. Ему ведь нужно было пройти по деревенской улице или как-то подобраться к дому через сады. Вокруг «Гранитного бунгало» сплошь стоят дома, вы же видите. Как же получилось, что никто не заметил постороннего?

Инспектор демонстративно умолк.

– Ага, я улавливаю вашу мысль, – сказал Пуаро. – И что дальше?

– Ну, сэр, я сказал себе: подозрительно, это очень подозрительно. И начал рассуждать. Возьмем хоть эти нефритовые фигурки. Мог ли обычный грабитель вообще догадаться, что они дорого стоят? Да и в целом это же чистое безумие – совершать такое среди бела дня. Ну а представьте, старик позвал бы на помощь?

– Я думаю, инспектор, – сказал мистер Инглз, – удар по голове был нанесен погибшему до того, как он умер?

– Совершенно верно, сэр. Сначала его оглушили, то есть убийца оглушил, а уж потом перерезал ему горло. Это совершенно очевидно. Но как, черт побери, этот тип пришел и ушел? В таких маленьких деревушках чужаков замечают

мгновенно. Это первым делом пришло мне в голову – никого постороннего тут не было! Уж это я проверил как следует. Накануне ночью шел дождь, и следы ног, ведущие в кухню и из нее, видны совершенно отчетливо. В гостиной нашлось только два типа следов (Бетси Андрес остановилась на пороге) – мистера Уэлли, который ходил в ковровых тапочках, и еще одного человека. Этот другой человек наступил на кровавое пятно, и я проследил за его кровавыми отпечатками... О, простите, сэр!

– Ничего, ничего, – откликнулся заметно побледневший мистер Инглз с кривой улыбкой. – Повторение прилагательных вполне допустимо в таком случае.

– Эти следы вели в кухню – но не выходили из нее. Это пункт первый. Далее. На дверном косяке комнаты Роберта Гранта было едва заметное пятно – пятно крови. Это пункт второй. Третий пункт появился, когда я взял ботинки Гранта – он их снял – и приложил к следам. Полное совпадение. Так что это – дело домашнее. Я сообщил Гранту о его правах и взял его под арест. И как вы думаете, что я нашел в его бумажнике? Крошечные нефритовые фигурки и справку о досрочном освобождении. Роберт Грант оказался Абрахамом Биггзом, пять лет назад осужденным за ограбление дома.

Инспектор с торжествующим видом оглядел всех.

– Ну, что вы на это скажете, джентльмены?

– Думаю, – сказал Пуаро, – что все это выглядит довольно простым случаем... вообще-то просто удивительно простым. Этот Биггс, или Грант... он, должно быть, ужасно глуп и необразован, а?

– Да, он именно таков – грубый, примитивный парень. Никакого представления о том, что могут значить следы ног и отпечатки пальцев.

– Он явно не читает детективные романы! Ну что ж, инспектор, поздравляю вас. Мы можем взглянуть на место преступления, а?

– Я вас туда сам провожу, сейчас же. Мне бы хотелось, чтобы вы увидели те следы ног.

– Да, мне бы тоже хотелось на них посмотреть. Да-да, это очень интересно, очень остроумно...

Мы все вместе направились к дому. Мистер Инглз с инспектором возглавляли шествие, а я чуть придержал Пуаро, чтобы поговорить с ним вне досягаемости ушей инспектора.

– Что вы думаете на самом деле, Пуаро? Здесь есть что-то, чего не видно с первого взгляда?

– Это отличный вопрос, друг мой. Уэлли в своем письме совершенно недвусмысленно сообщил, что Большая Четверка идет по его следу, а мы, вы и я, знаем, что Большая Четверка – это не бука, которой пугают детишек. Вроде бы все обстоятельства говорят за то, что этот человек, Грант, действительно совершил преступление. Но зачем он это сделал? Неужели ради маленьких нефритовых фигурок? Или же он – агент Большой Четверки? На мой взгляд, последнее предположение выглядит более обоснованно. Как бы ни были дороги статуэтки, человек такого типа едва ли может это понимать по-настоящему – и в любом случае он не станет из-за них совершать убийство (хотя эта мысль ошеломила бы инспектора). Нет, такой человек просто украл бы фигурки, вместо того чтобы так жестоко и бессмысленно убивать хозяина. Да-да... Боюсь, наш девонширский друг не использует свои маленькие серые клеточки. Он измерил отпечатки ботинок, но не потрудился привести все свои идеи в надлежащий порядок, используя правильный метод.

Глава 4

Значение бараньей ноги

Инспектор достал из кармана ключ и отпер дверь «Гранитного бунгало». День стоял сухой и теплый, так что наши ноги едва ли могли оставить какие-то следы; тем не менее мы тщательно вытерли их, прежде чем войти в дом.

Из полутьмы выступила женщина и заговорила с инспектором, он повернулся к ней, а нам бросил через плечо:

– Вы пока осмотритесь тут, мсье Пуаро, вдруг увидите что-то интересное. Я приду минут через десять. Кстати, вот это – ботинок Гранта. Я принес его специально для вас, чтобы можно было все проверить на месте.

Мы прошли в гостиную, а звук шагов инспектора затих в другой стороне. Вниманием Инглза мгновенно завладели китайские безделушки, стоявшие в углу на столе, и он направился к ним, чтобы рассмотреть как следует. Он, похоже, ничуть не интересовался действиями Пуаро. Я же, напротив, следил за своим другом затаив дыхание. Пол гостиной был покрыт темно-зеленым линолеумом, идеальным для любых отпечатков. Дверь в дальнем конце гостиной вела в маленькую кухню, а уже из кухни можно было пройти в буфетную (и к черному ходу), а также к маленькой спальне, которую занимал Роберт Грант. Пуаро, исследуя пол, непрерывно бормотал себе под нос нечто вроде комментариев:

– Так, вот здесь лежало тело; это большое темное пятно и брызги вокруг хорошо отмечают место... Следы ковровых тапочек и ботинок девятого размера, как видите, но все перепутано. Затем две линии следов, ведущих к кухне и от нее; кем бы ни был убийца, он вошел с той стороны. Башмак у вас, Гастингс? Дайте-ка его мне... – Он тщательно сравнил ботинок со следами. – Да, это оставлено именно Робертом Грантом. Он вошел с кухни, убил старика и снова вышел в кухню. Он наступил на кровавое пятно: видите пятна, которые он оставил, когда выходил? В кухне, конечно, ничего не видно – туда уже успела заглянуть вся деревня. Он пошел в свою комнату... нет, сначала он еще раз вернулся на место преступления... Неужели затем, чтобы взять те маленькие нефритовые фигурки? Или он забыл что-то такое, что могло его выдать?

– Возможно, он убил старика, когда вошел во второй раз? – предположил я.

– Mais non[7 - Да нет же (фр.)], вы не желаете наблюдать! Один из следов, помеченных кровью и ведущих наружу, перекрыт следом, ведущим внутрь, в гостиную. Хотел бы я знать, зачем он вернулся... только после подумал о нефритовых статуэтках? Это все ужасно глупо... по-дурацки.

– Ну, он мог просто растеряться.

– N'est-ce pas?[8 - Да ну, неужели? (фр.)] Говорю же вам, Гастингс, все это противоречит рассудку. Это бросает вызов моим маленьким серым клеточкам. Давайте-ка заглянем в его спальню... ах, точно; здесь пятно крови на дверном

косяке и тоже следы ног... кровавые следы. Следы Роберта Гранта, и только его – возле тела... Роберт Грант – единственный человек, который проходил мимо дома... Да, должно быть так.

– А как насчет той пожилой женщины? – вдруг сказал я. – Она была одна в доме после того, как Грант отправился за молоком. Она могла убить хозяина, а потом уйти. Ее ноги не оставили следов, если она до того не выходила на улицу.

– Отлично, Гастингс. Я рад, что эта идея посетила вас. Я как раз думал над этим и рассматривал такую возможность. Бетси Андрес – местная женщина, ее хорошо знают в округе. Она не может быть связана с Большой Четверкой; и, кроме того, старик Уэлли был крепким парнем, как ни посмотри. Это дело рук мужчины... да, мужчины, а не женщины.

– Ну, я полагаю, вряд ли у Большой Четверки оказалось под рукой какое-то дьявольское приспособление, встроенное в потолок этой гостиной... ну, что-то такое, что автоматически спустилось и перерезало старику горло, а потом снова исчезло.

– Вроде лестницы Иакова? Я знаю, Гастингс, что у вас чрезвычайно богатое воображение... но я умоляю вас держать его в рамках.

Я ступавался, немало смущенный. Пуаро продолжал бродить туда-сюда, заглядывая в разные комнаты и шкафы, его лицо по-прежнему хранило выражение недовольства и разочарования. Внезапно он как-то странно по-собачьи взвизгнул на манер шпица. Я бросился к нему. Он стоял в кладовой в драматической позе. И держал в поднятой руке баранью ногу!

– Дорогой Пуаро! – воскликнул я. – Что случилось? Уж не сошли ли вы вдруг с ума?

– Посмотрите на эту баранину, умоляю вас! Но посмотрите на нее внимательно!

Я рассмотрел ее так внимательно, как только мог, но ничего необычного в ней не заметил. Она выглядела вполне ординарной бараньей ногой. Именно это я и сказал. Пуаро бросил на меня уничижительный взгляд.

– Но разве вы не видите вот это... и это... и это...

Каждое «это» он иллюстрировал, тыча пальцем в совершенно безобидные крохотные льдинки на мясе.

Пуаро только что обвинил меня в избытке воображения, но теперь я почувствовал, что он в своих фантазиях зашел куда дальше, чем я. Неужели он и в самом деле решил, что эти крохотные серебряные льдинки – кристаллы смертельного яда? Ничем другим я не мог объяснить себе его непонятное возбуждение.

– Это мороженое мясо, – мягко объяснил я. – Импортное, вы же знаете. Из Новой Зеландии.

Он мгновение-другое тарашился на меня, а потом вдруг разразился странным хохотом.

– Мой друг Гастингс просто великолепен! Он все знает... ну абсолютно все! Как это говорят... «ничего не пропустит и не упустит»! Это и есть мой друг Гастингс.

Он бросил баранью ногу на большое блюдо, где она и лежала прежде, и вышел из кладовки. Потом выглянул в окно.

– А, вон идет наш дорогой инспектор. Это кстати. Я уже увидел здесь все, что мне было нужно. – И он принялся с отсутствующим видом барабанить пальцами по столу, словно погружившись в некие расчеты, а потом внезапно спросил: – Друг мой, какой сегодня день недели?

– Понедельник, – с немалым изумлением ответил я. – А что...

– Ах! Понедельник, вот как? Тяжелый день, верно? Совершать убийство в понедельник было большой ошибкой.

Вернувшись в гостиную, он стукнул пальцем по стеклу барометра и взглянул на термометр.

– Ясно, тихо, семьдесят градусов по Фаренгейту. Вполне обычный английский летний день.

Инглиз все еще изучал различные китайские вещицы.

– Вас, похоже, не слишком интересует наше расследование, мсье? – сказал Пуаро.

Инглиз спокойно улыбнулся.

– Видите ли, это не мое дело. Я во многом разбираюсь, но не в этом. А значит, я должен держаться в сторонке и не мешать. На Востоке я научился терпению.

В гостиную стремительно ворвался инспектор, извиняясь за свое долгое отсутствие. Он настаивал на том, чтобы самому заново показать нам все следы, но нам удалось от этого отвертеться.

– Я благодарен вам за вашу бесконечную любезность, инспектор, – сказал Пуаро, когда мы снова шли по деревенской улице. – Но у меня будет к вам еще одна просьба.

– Вы, наверное, хотите взглянуть на труп, сэр?

– О, бог мой, нет! Меня совершенно не интересует труп. Я хочу повидать Роберта Гранта.

– Вы можете вернуться в Мортон со мной, сэр, и там поговорить с ним.

– Отлично, я так и сделаю. Но я должен встретиться и поговорить с ним наедине.

Инспектор задумчиво прикусил верхнюю губу.

– Ну, насчет этого я не знаю, сэр...

– Уверяю вас, если вы свяжетесь со Скотленд-Ярдом, вы получите полное одобрение.

– Я, конечно, слышал о вас, сэр, и я знаю, что вы время от времени помогаете полиции. Но это лишь отдельные случаи...

– И тем не менее это необходимо, – спокойно заявил Пуаро. – Это необходимо по той причине, что... что Грант – не убийца.

– Что?! Но тогда кто же?

– Убийца, как я представляю, был довольно молодым человеком. Он подъехал к «Гранитному бунгало» на двуколке, которую оставил прямо у двери. Он вошел в дом, совершил убийство, вышел и снова уехал. Он был без головного убора, а его одежда была сильно запачкана кровью.

– Но... но тогда его заметила бы вся деревня!

– Не при данных обстоятельствах.

– Ну, возможно, если бы стояла ночь... но ведь преступление было совершено при дневном свете!

Пуаро лишь улыбнулся в ответ.

– Да еще и лошадь, и двуколка, сэр... Как вы можете утверждать подобное? Здесь проезжает не так уж много экипажей. И никто не заметил чего-то такого...

– Обычными глазами, возможно, и не заметили; только внутренним взором.

Инспектор многозначительно коснулся пальцем своего лба и усмехнулся, посмотрев на меня. Я был совершенно сбит с толку, но я верил в Пуаро. Дальнейшего обсуждения не последовало, и мы отправились в Мортон вместе с инспектором. Пуаро и меня допустили к Гранту, но во время беседы присутствовал констебль. Пуаро сразу приступил к делу.

– Грант, я знаю, что вы не совершали этого преступления. Расскажите мне точно обо всем, что произошло, своими словами, как сумеете.

Арестованный был человеком среднего роста с довольно неприятным выражением лица. С виду настоящий уголовник.

– Богом клянусь, сэр, не делал я этого! – начал жаловаться Грант. – Кто-то подсунил эти стеклянные фигурки ко мне в бумажник! Это подтасовка, вот что это такое! Я, когда вернулся, сразу прошел в свою комнату, как я и говорил. Я и не знал ни о чем, пока Бетси не завизжала. Бог свидетель, я тут ни при чем!

Пуаро встал.

– Если вы не в состоянии сказать правду, закончим на этом.

– Но послушайте...

– Вы заходили в ту комнату... и вы знали, что хозяин мертв; и для вас не было неожиданностью, что добрая Бетси подняла ужасный шум.

Грант смотрел на Пуаро, разинув рот.

– Ну что, разве все было не так? Я не шутя вам говорю – и говорю совершенно честно, – что искренность – ваш единственный шанс.

– Ну, тогда я рискну, пожалуй, – неожиданно сказал Грант. – Все так и было, как вы говорите. Я вошел в дом и направился напрямик к хозяину – а он там лежал мертвый на полу, и кругом кровища... Ну, я и решил смотать оттуда. Они бы сразу разнюхали, кто я таков, и уж точно сказали бы, что это я сделал. Я только и думал о том, чтобы сбежать... поскорее, пока его не нашли.

– А нефритовые фигурки?

Грант заколебался.

– Ну, понимаете...

– Вы их схватили вроде бы машинально, так ведь? Вы слышали, как ваш хозяин говорил об их ценности, и вы подумали, что вполне можете прибрать их к рукам. Ну, это я понимаю. А теперь скажите мне вот что. Вы взяли фигурки тогда, когда

вошли в комнату во второй раз?

- Не входил я туда второй раз! Мне и одного раза хватило!

- Вы в этом уверены?

- Уж конечно, уверен!

- Хорошо. Теперь вот что. Когда вы освободились из тюрьмы?

- Два месяца назад.

- Как вы получили эту работу?

- Да через одно из этих обществ помощи заключенным, знаете ведь про такие. Их парень встретил меня, когда я вышел.

- Как он выглядел?

- Ну, он не то чтобы был священником, но похож. Мягкая черная шляпа, и говорил так слащаво... У него еще один передний зуб сломан. Очкарик. Сандерсом его звали. Сказал, что надеется на мое исправление и что нашел мне хорошее место. Я и пошел по его рекомендации к старику Уэлли.

Пуаро снова встал.

- Благодарю вас. Теперь я все знаю. Наберитесь терпения. - Он задержался у выхода и добавил: - Сандерс подарил вам пару башмаков, верно?

На лице Гранта отразилось изумление.

- Ну да, подарил... А откуда вы-то об этом знаете?

- Это моя работа - все знать, - серьезно ответил Пуаро.

Обменявшись словом-другим с инспектором, мы втроем отправились в кабачок «Нежное сердце» и заказали яичницу с беконом и девонширский сидр.

– Что-нибудь объясните нам? – с улыбкой спросил Инглз.

– Да, теперь все вполне разъяснилось. Но, видите ли, мне было бы трудно доказать свою точку зрения. Уэлли был убит по приказу Большой Четверки – и не Грантом. Некий очень умный человек устроил Гранта на это место, заранее планируя сделать из него козла отпущения, – и это было бы совсем нетрудно, учитывая прошлое Гранта. Этот человек подарил Гранту пару башмаков – одну из двух совершенно одинаковых пар. А другую пару оставил себе. Совершить задуманное было чрезвычайно просто. Когда Гранта не было в доме, а Бетси болтала с кем-то в деревне (а она, видимо, каждый день этим занималась), убийца подъехал к дому, предварительно надев копию ботинок Гранта, вошел в кухню, сразу прошел в гостиную, оглушил старого Уэлли и перерезал ему горло. Потом он вернулся в кухню, снял ботинки, надел другую пару, которая была у него с собой, и, забрав с собой те башмаки, в которых было совершено преступление, спокойно вышел из дома и уехал.

Инглз внимательно посмотрел на Пуаро.

– В этом что-то есть, безусловно. Вот только почему его никто не заметил?

– А! Вот тут-то и проявился большой ум Номера Четвертого, я убежден. Все его видели – и никто не заметил. Видите ли, он явился в тележке мясника!

Я невольно вскрикнул:

– Баранья нога?!

– Совершенно верно, Гастингс, баранья нога. Все клянутся, что в это утро к «Гранитному бунгалю» никто не подходил, и тем не менее я обнаружил в кладовке баранью ногу, еще не растаявшую. Был понедельник, следовательно, мясо должно было быть доставлено в то утро; ведь если бы его привезли в субботу, при нынешней теплой погоде льдинки не пережили бы воскресенье. А значит, кто-то подходил к бунгалю, и это был такой человек, на чьей одежде пятна крови выглядели совершенно естественно и не привлекли внимания.

– Черт побери, да он гений! – одобрительно воскликнул Инглз.

– Да, он умен, этот Номер Четвертый.

– Так же умен, как Эркюль Пуаро? – пробормотал я.

Мой друг удостоил меня негодующего взгляда.

– Есть вещи, которые вы не должны были бы себе позволять, Гастингс, – наставительно произнес он. – Разве я не спас уже невинного человека от виселицы? Для одного дня этого вполне достаточно.

Глава 5

Исчезнувший ученый

Я вообще-то не думаю, что инспектор Мидоуз полностью поверил в невинность Гранта, или Биггза, несмотря на то что суд признал его непричастным к убийству Джонатана Уэлли. Обвинение, которое он выстроил против Гранта: справка из тюрьмы, украденные нефритовые фигурки, ботинки, которые совершенно точно совпадали со следами в гостиной убитого, – было, на его прямолинейный взгляд, слишком хорошо, чтобы его можно было опровергнуть; однако Пуаро, преодолев свою неприязнь к даче показаний, сумел убедить присяжных. Были вызваны двое свидетелей, видевших в тот понедельник возле бунгало Уэлли тележку мясника, а местный мясник показал, что сам он бывает в этой деревне лишь по вторникам и пятницам.

Нашли также женщину, которая при расспросах вспомнила, что видела выходящего из бунгало мясника, но не смогла дать описания его внешности. У нее лишь сохранилось смутное впечатление, что тот был среднего роста, чисто выбрит и выглядел точь-в-точь как положено выглядеть мяснику. Услышав это рассуждение, Пуаро лишь с философским видом пожал плечами.

– Именно это я и говорил вам, Гастингс, – сказал он мне после суда. – Он артист, этот человек. Он маскируется вовсе не при помощи фальшивой бороды и темных

очков. Он изменяет свое лицо, да; но это лишь малая часть дела. Он на время становится другим человеком. Он живет в своей роли.

Да, действительно, я вынужден был признать, что тот человек, который приходил к нам домой, выглядел в точности так, как я представлял себе служителя психиатрической больницы. Мне и в голову не пришло бы усомниться в его, так сказать, подлинности.

Все это несколько обескураживало, и наши открытия в Дартмуре, похоже, ничем нам не помогли. Я сказал об этом Пуаро, однако он не соглашался признать, что мы ничуть не продвинулись вперед.

– Мы продвинулись, – сказал он, – мы продвинулись. При каждом столкновении с этим человеком мы чуть-чуть больше узнаем об особенностях его ума и его методах. А он ничего не знает о нас и о наших планах.

– Но тогда, Пуаро, – возразил я, – мы с ним в одинаковом положении! Я тоже не знаю, есть ли у вас какие-то планы, мне кажется, вы просто сидите на месте и ждете, чтобы он предпринял что-нибудь!

Пуаро улыбнулся.

– Mon ami, вы не меняетесь. Вы всегда остаетесь все тем же Гастингсом, настроенным по-боевому. Возможно, – добавил он, так как в эту минуту послышался стук в дверь, – у вас сейчас будет шанс. – И он рассмеялся, увидев мое разочарование: в гостиную вошел инспектор Джепп с каким-то человеком.

– Добрый вечер, мсье, – сказал инспектор. – Позвольте представить вам капитана Кента из американской Секретной службы.

Капитан Кент оказался высоким худым американцем со странно неподвижным лицом, выглядевшим так, словно его вырезали из дерева.

– Рад познакомиться с вами, джентльмены, – пробормотал он, коротко пожимая нам руки.

Пуаро подбросил в камин еще одно полено и придвинул ближе кресла для гостей. Я принес стаканы, виски и содовую. Капитан сделал большой глоток и одобрительно хмыкнул.

– Законодательство вашей страны мне по душе, – заметил он.

– Ну, перейдем к делу, – сказал Джепп. – Мсье Пуаро просил меня разузнать кое-что. Он по каким-то причинам интересовался, что кроется под названием «Большая Четверка», и просил в любое время дать ему знать, если я в своих служебных делах встречу с этими словами. Я не обратил на это особенного внимания, но запомнил его слова, и когда присутствующий здесь капитан явился ко мне и изложил любопытную историю, я тут же сказал: «Нам нужно зайти к мсье Пуаро».

Пуаро перевел взгляд на капитана Кента, и американец заговорил:

– Возможно, мсье Пуаро, вам приходилось читать о том, что несколько торпедных лодок и миноносцев затонули, налетев на скалы у берегов Америки. Это случилось вскоре после японского землетрясения, и их гибель приписали шторму и сильной приливной волне. Ну, а совсем недавно в наши руки попались кое-какие люди... и с ними – кое-какие документы, проливающие совершенно новый свет на этот случай. В бумагах упоминается некая организация, именуемая «Большая Четверка», и дается весьма неполное описание некоего аппарата... Этот прибор или аппарат якобы способен накапливать огромное количество энергии и в виде узкого луча невероятной разрушительной силы посылать ее в любую заданную точку. Все это на первый взгляд казалось полным абсурдом, однако я переслал бумаги в штаб, чтобы там сами решили, чего они стоят, и один из наших высоколобых профессоров вроде бы ими заинтересовался. А потом до нас дошло известие, что один из ваших британских ученых выступил в научном обществе с докладом на сходную тему. Его коллеги по многим причинам не приняли доклад всерьез, тем более что звучало все слишком самоуверенно и фантастично, однако ваш ученый стоял на своем и заявил, что он накануне успеха в своих экспериментах.

– Вот как? – воскликнул Пуаро, проявляя явный интерес.

– Было решено, что мне следует приехать сюда и поговорить с этим джентльменом. Он весьма молод, этот Холлидей. Он один из ведущих ученых в

данной области, и я должен был узнать у него, возможно ли вообще то, о чем он говорил.

- Ну и как, это возможно? - не удержавшись, спросил я.

- Вот как раз этого я и не знаю. Я не видел мистера Холлидея... и вряд ли мне удастся его увидеть, если учесть все обстоятельства.

- По правде говоря, - коротко сказал инспектор Джепп, - Холлидей исчез.

- Когда? - спросил Пуаро.

- Два месяца назад.

- О его исчезновении было заявлено?

- Да, разумеется. Его жена, чрезвычайно взволнованная, пришла к нам. Мы сделали, что могли, но я заранее знал, что толку не будет.

- Почему же?

- Да потому, что в таких случаях всегда так... когда мужчина исчезает подобным образом, - и Джепп подмигнул.

- Каким образом?

- В Париже.

- Так Холлидей исчез в Париже?

- Да. Отправился туда по каким-то научным делам... ну, так он сказал. Конечно, он и должен был сказать что-то в этом роде. Но вы же знаете, что значит, когда мужчина пропадает в этом городе. То ли это дело рук местных головорезов, и тогда ему конец, то ли добровольное исчезновение... Ну, могу сказать, что искать его бесполезно. Веселый Париж и все такое, сами понимаете. Надоела ему семейная жизнь, к тому же повздорил с женой перед отъездом, - в общем,

дело ясное.

- Сомневаюсь, - задумчиво произнес Пуаро.

Американец удивленно посмотрел на него.

- Скажите, мистер, - протяжно произнес он, - что это за Большая Четверка?

- Большая Четверка, - ответил Пуаро, - это международная организация, возглавляемая неким китайцем. Он известен как Номер Первый. Номер Второй - американец, Номер Третий - француженка. Номер Четвертый, Истребитель, - англичанин.

- Француженка, вот как? - Американец присвистнул. - А Холлидей исчез в Париже. Возможно, тут и вправду что-то кроется. Как ее зовут?

- Я не знаю. Я вообще ничего не знаю о ней.

- Но у вас есть кое-какие предположения? - спросил его собеседник.

Пуаро кивнул, выстраивая стаканы в аккуратный ряд на подносе. Он был большим любителем порядка.

- А что насчет гибели тех кораблей? Может быть, Большая Четверка - это фокусы немцев?

- Большая Четверка существует и действует сама по себе... и только для себя, мсье капитан. Их цель - мировое господство.

Американец расхохотался во все горло, но вдруг умолк, глянув на мрачное и серьезное лицо Пуаро.

- Вы смеетесь, мсье, - сказал Пуаро, грозя капитану пальцем. - Вы не понимаете... вы совсем не пользуетесь своими маленькими серыми клеточками, не заставляете свой мозг работать. Кто те люди, которые уничтожили часть вашего военно-морского флота, просто испытывая свою силу? Ведь это, мсье, было лишь испытанием нового энергетического оружия, которым они владеют.

– Продолжайте, мсье, – весело и добродушно сказал Джепп. – Я прочел немало боевиков, но ни разу не встречал в них ничего подобного. Итак, вы слышали историю капитана Кента. Я могу быть еще чем-то вам полезен?

– Да, дорогой друг. Вы можете дать мне адрес миссис Холлидей... а также помочь мне встретиться с ней.

И следующий день застал нас в Четвинд-Лодж, неподалеку от деревеньки Чопхэм в Суррее.

Миссис Холлидей приняла нас сразу. Это была высокая светловолосая женщина, нервная и подвижная. Рядом с ней в гостиной находилась очаровательная девочка лет пяти.

Пуаро объяснил причину нашего визита.

– О! Мсье Пуаро, я так рада, так признательна! Конечно же, я слышала о вас. Вы совсем не такой, как эти люди из Скотленд-Ярда, которые и не слушают, и не пытаются понять. И французская полиция такая же... даже хуже, я думаю. Они все совершенно уверены, что мой муж просто сбежал с какой-то женщиной. Но он не мог сделать ничего подобного! Его только одно интересует в жизни – работа! Половина наших ссор из-за этого и случалась. Он думает о работе гораздо больше, чем обо мне.

– Ну, англичане все такие, – умиротворяющим тоном произнес Пуаро. – А если они не работают, они занимаются спортом. И ко всему этому относятся чрезвычайно серьезно. Но я прошу вас, мадам, припомнить настолько точно, насколько вы сумеете, и по порядку, все обстоятельства исчезновения вашего супруга.

– Мой муж отправился в Париж во вторник, двадцатого июля. Он должен был встретиться и навестить нескольких человек в связи со своей работой, и среди них – мадам Оливер.

Пуаро кивнул при упоминании знаменитой француженки, прославившейся в области химии, – своими блестящими достижениями она затмила славу мадам

Кюри. Французское правительство удостоило ее немалого количества наград, и она была одной из наиболее известных личностей современности.

– Он прибыл туда вечером и сразу же отправился в отель «Кастильон», на Рю де Кастильон. На следующее утро у него была назначена встреча с профессором Буржоне, и на эту встречу он явился. Он был таким же, как обычно. Они поговорили о своих делах и условились, что муж на следующий день приедет в лабораторию профессора, чтобы присутствовать при каком-то эксперименте. Муж пообедал в одиночестве в кафе «Роял», прогулялся, затем отправился с визитом к мадам Оливер в ее дом в Пасси. Там он тоже выглядел и держался как обычно. Он ушел оттуда около шести часов. Неизвестно, где и когда он ужинал – возможно, зашел в какой-нибудь ресторан. В гостиницу он вернулся около одиннадцати и сразу же прошел в свой номер, забрав пришедшие на его имя письма. На следующее утро он вышел из отеля и – больше его не видели.

– Во сколько он ушел в тот день? У него ведь была назначена встреча в лаборатории профессора Буржоне, так? Он вышел вовремя?

– Не знаю. Дело в том, что никто не видел, когда он покинул гостиницу. Но горничная, обслуживавшая номер, полагает, что он должен был уйти довольно рано.

– Или же он мог выйти накануне вечером, сразу после того, как вернулся?

– Не думаю. Его постель была разобрана, в ней явно спали, и ночной портье заметил бы, если бы кто-то вышел так поздно.

– Очень верное замечание, мадам. Итак, мы можем принять, что он вышел из гостиницы ранним утром на следующий день – и это уже утешительно в определенном отношении. В такой час он едва ли мог стать жертвой нападения. А его багаж? Остался в гостинице?

Миссис Холлидей, похоже, не хотелось отвечать на этот вопрос, но в конце концов она сказала:

– Ну... он, должно быть, взял с собой только один маленький чемоданчик...

– Хм, – задумчиво произнес Пуаро. – Хотел бы я знать, где он был тем вечером. Если мы узнаем это, мы можем узнать очень много. С кем он встречался – вот в чем загадка. Мадам, у меня нет необходимости вставать на точку зрения полиции; они всегда твердят только одно: «Cherchez la femme». Однако совершенно очевидно: тем вечером произошло нечто, изменившее планы вашего супруга. Вы говорите, он спросил о письмах, когда вернулся в отель. Он получил что-то?

– Только одно, и, должно быть, то самое, которое я написала в день его отъезда из Англии.

Пуаро еще с минуту пребывал в глубоких размышлениях, затем живо вскочил на ноги.

– Хорошо, мадам, разгадка этой тайны лежит в Париже, и чтобы отыскать ее, я сам немедленно отправляюсь в этот город.

– Но это произошло уже так давно, мсье!

– Да-да. И тем не менее мы должны искать именно там.

Он повернулся, чтобы выйти из комнаты, но замер, положив ладонь на дверную ручку.

– Скажите мне, мадам, ваш муж никогда не произносил слов «Большая Четверка»?

– Большая Четверка? – задумчиво повторила женщина. – Нет, я такого не слышала.

Глава 6

Женщина на ступенях

Итак, это было все, что могла сказать миссис Холлидей. Мы поспешили обратно в Лондон и на следующее утро уже плыли на континент. Пуаро сказал с унылой улыбкой:

– Друг мой, эта Большая Четверка заставила меня сняться с места! Я бегаю туда и сюда, совершенно так же, как наш старый друг, «человек-ищейка»!

– Ну, возможно, вы встретитесь с ним в Париже, – заметил я, зная, что Пуаро имеет в виду некоего Жиро, одного из наиболее опытных парижских детективов, с которым он встречался в ходе предыдущих расследований.

Пуаро скривил губы:

– Искренне надеюсь, что нет. Он меня не любит, этот тип.

– Похоже, нам предстоит довольно сложная задача? – спросил я. – Выяснить, что делал неизвестный англичанин в один из вечеров два месяца назад?

– Очень сложная, *top amé*. Но, как вы хорошо знаете, трудности лишь радуют сердце Эркюля Пуаро.

– Вы думаете, его похитила Большая Четверка?

Пуаро кивнул.

Наше расследование поневоле вело нас по остывшим следам, и мы мало что узнали, кроме того, что уже рассказала нам миссис Холлидей. Пуаро долго беседовал с профессором Буржоне, и в течение этой беседы всячески пытался выяснить, упоминал ли Холлидей о своих планах на тот вечер, – но так ничего и не узнал.

Следующей в нашем списке стояла прославленная мадам Оливер. Я ощущал сильное волнение, когда мы поднимались по ступеням ее виллы в Пасси. Мне всегда казалось весьма необычным и потрясающим, что женщина способна продвинуться так далеко в научном мире. Я привык думать, что для такой работы непременно необходим мужской мозг.

Нам открыл дверь молодой парнишка, лет семнадцати или около того, смутно напомнимши мне псаломщика, столь чопорными и церемонными были его манеры. Пуаро заранее условился о встрече, поскольку мы знали, что мадам Оливер никого не принимает без предварительной договоренности – ведь практически все ее дни были заняты научными трудами.

Нас провели в небольшой салон, и вскоре туда вошла хозяйка дома. Мадам Оливер оказалась очень высокой женщиной, и ее рост еще более подчеркивался длинным белым платьем и похожей на монашескую шапочкой, красовавшейся на голове. Лицо мадам было длинным и бледным, а прекрасные темные глаза сверкали почти фанатическим огнем. Вообще она куда больше напоминала древнюю жрицу, нежели современную француженку. На одной щеке у нее виднелся шрам, и я вспомнил, что ее муж и соратник погиб при взрыве в лаборатории три года назад и что сама она была ужасно обожжена. С тех пор она удалилась от света и с яростной энергией погрузилась в научные исследования. Нас она встретила с холодной вежливостью.

– Меня уже неоднократно расспрашивала полиция, мсье. Я думаю, что едва ли могу чем-то вам помочь, поскольку полиции я помочь не смогла.

– Мадам, я по возможности постараюсь не задавать вам лишних вопросов. Начнем с того, о чем вы беседовали с Холлидеем.

Она посмотрела на Пуаро с веселым недоумением.

– Ну разумеется, о работе! О его работе... а также о моей.

– Он упоминал при вас о теории, которую недавно изложил в докладе, прочитанном в Британском научном обществе?

– Конечно, упоминал. Он только о ней и говорил.

– Его идеи были несколько фантастичны, не так ли? – небрежно спросил Пуаро.

– Кое-кто так и подумал. Но я с этим не согласна.

– Вы рассматривали их с практической стороны?

– Только с практической. Направление моих собственных исследований в чем-то сходно с этими идеями, хотя и подразумевает другие результаты. Я занимаюсь гамма-лучами, излучаемыми веществом, известным под названием радий-С, – и при этом я натолкнулась на некоторые весьма интересные магнетические феномены. На деле у меня есть теория о подлинной природе сил, которые мы называем магнетизмом, но пока еще не пришло время познакомить мир с моими открытиями. Эксперименты и идеи мистера Холлидея чрезвычайно заинтересовали меня.

Пуаро кивнул. Потом он задал вопрос, который меня удивил:

– Мадам, где вы обсуждали все эти вопросы? Здесь, в гостиной?

– Нет, мсье. В лаборатории.

– Могу я взглянуть на нее?

– Разумеется.

Мадам Оливер направилась к двери, через которую вошла в салон. За дверью оказался небольшой коридор. Мы миновали еще две двери и очутились в большой лаборатории, сплошь заставленной лабораторной посудой и тиглями, а также сотнями приборов, о названии которых я не имел ни малейшего представления. Двое сотрудников были заняты какими-то опытами. Мадам Оливер представила их:

– Мадемуазель Клауд, одна из моих ассистентов. – Высокая серьезная девушка поклонилась нам. – Мсье Генри, старый испытанный друг.

Молодой человек, низкорослый и смуглый, коротко кивнул.

Пуаро осмотрелся по сторонам. В лаборатории оказалось еще две двери, кроме той, через которую мы вошли. Одна из них, как объяснила мадам, вела в сад, другая – в меньшее помещение, также предназначенное для исследований. Пуаро выслушал все это, а затем изъявил готовность покинуть лабораторию.

- Мадам, во время вашей беседы с мистером Холлидеем кто-нибудь присутствовал здесь?
- Да, мсье. Оба мои ассистента находились в той комнате, за дверью.
- Мог ли кто-нибудь подслушать ваш разговор... кто-нибудь посторонний?
- Не думаю. Я почти уверена, что не мог. Все эти двери были закрыты.
- А мог кто-нибудь спрятаться в этом помещении?
- Там в углу есть большой шкаф... Да нет, ваше предположение абсурдно!
- Pas tout ? fait[9 - Не совсем (фр.)], мадам. Еще одно: Холлидей упоминал о своих планах на вечер?
- Он ничего такого не говорил, мсье.
- Благодарю вас, мадам, и извините за то, что потревожили вас. Умоляю, не беспокойтесь - мы сами найдем дорогу к выходу.

Мы добрались до холла. Через парадную дверь только что вошла с улицы какая-то леди. Она быстро взбежала по ступеням вверх, и я успел заметить лишь плотную вуаль, какую носили обычно французские вдовы.

- Весьма необычный тип женщины, - заметил Пуаро, когда мы вышли.

- Мадам Оливер? Да, она...

- Mais non[10 - Да нет же (фр.)], не мадам Оливер! Cela va sans dire![11 - Что тут говорить! (фр.)] Это совсем другое дело. Подобных гениев немного в мире. Нет, я имел в виду другую леди - ту, что так красиво пробежала по ступеням вверх.

- Я не видел ее лица, - удивленно сказал я. - И не понимаю, как вы могли его рассмотреть. Да и она на нас не взглянула.

- Потому я и говорю, что это весьма необычный тип женщины, - благодушно ответил Пуаро. - Женщина, которая входит в свой дом... а я уверен, что это ее дом, поскольку она отперла дверь своим ключом, - и бежит вверх по лестнице, даже не бросив взгляда на двух незнакомцев в холле и не пожелав выяснить, кто они такие, это весьма

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мой друг (фр.).

2

Жуткое совпадение (фр.).

3

Клянусь честью! (фр.)

4

Бог мой! (фр.)

5

Проклятие! Гром и молния! (фр.)

6

Благодарю вас (фр.).

7

Да нет же (фр.).

8

Да ну, неужели? (фр.).

9

Не совсем (фр.).

10

Да нет же (фр.).

11

Что тут говорить! (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/agata-kristi/bolshaya-chetverka-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)